

Алексей Яковлев
Лирика

Алексей Яковлев

Лирика

«Издательские решения»

Яковлев А.

Лирика / А. Яковлев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4496-8490-5

В сборнике преимущественно представлены стихотворения из лирико-депрессивного романа «Ипохондрия LIFE» (2016 г.), а также другие произведения автора, в том числе такие, как «Она сошла с гобелена...», «Готический этюд», «Берег слоновой кости» и мн. др.

ISBN 978-5-4496-8490-5

© Яковлев А.

© Издательские решения

Содержание

Она сошла с гобелена...	6
Дымом костра...	8
Лето. Жажда...	9
Готический этюд	10
Фантазия	11
Плевел (Моя поэтесса)	12
Лишь кресты на моем сонном пастбище...	13
Бессонница	14
Мир внутри меня...	15
Берег Слоновой Кости	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лирика

Алексей Яковлев

© Алексей Яковлев, 2019

ISBN 978-5-4496-8490-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она сошла с гобелена...

Она сошла с гобелена там, где сцены охоты в малахитовом зале, она вся в зеленом, вся в изумруде, она божественна, будто фея, сосуды из яшмы и двери в агате ее дразнили и ей внимали, движения плавны и грациозны, уста шептали: «Я Галатея».

Скульптуры бесчувственны, взгляды с картин эфемерны, иллюзия света и тени в комбинации шара и плоскости так узнаваема, но она не искусственна и совершенна, она антипод подмены, и взгляд ее пленителен, а душа вполне осязаема.

Я кубок поднял: «Очарован! За ваше здоровье, моя принцесса!» Выражение лица снисходительно – маска ее превосходна, в моих глазах признак темной власти лидийского Креза, в глазах ее вся синева небосвода...

Она сказала: «Прими икатулку из красного дерева и василисковой кожи, в ней яд чудесный, серебряная бритва, философские камни, укол ехидны, коготь дракона, шипы отравленной розы, остывшие угли моего сердца, флакон с моими слезами».

Спорить бесчестно и бесполезно – разгадка на гобелене! Ему сотни лет, и тайны как будто покрыты пылью, но витязь, погибший в состязании с вепрем, был уличен в измене, легенда плавится, рвется, рыдает – становится былью.

Серебряная бритва в крови, философские камни при деле, чаша пуста, кровь пульсирует в венах, смешана с ядом, уколом ехидны, когтем дракона растерзаны, как хотели, двор палатки, расписные стены нас провожают взглядом. Повествование хранит немой узор византийской фрески, и знает об этом розовый куст Гильдесгеймской церкви, прекрасный призрак забытой готической

*пьесы, где яд в третьем акте – символ, целомудренность
смерти...*

ДЫМОМ КОСТРА...

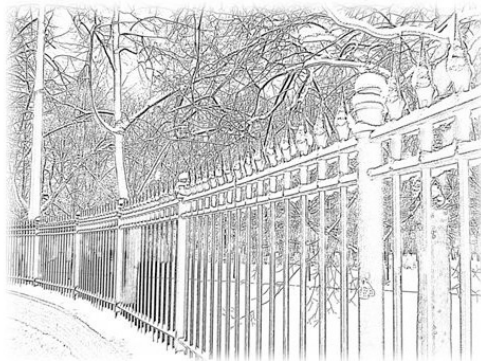
*Дымом костра... Над пустошью эхо пульсирует стансами,
Стынет зола, безудержно болью дрожит под пальцами,
Привкус смородистый осени, душу встряхнув, очистила,
Воздух оглох, наполнился серой, частицами выстрела...
По бездорожью холодом, в поле сухими травами,
Стать буреломом Брянщины, степью, блуждать канавами,
Кровью, листвою, щепками, полог землистый узорами,
Лес оцетинился ветвями, стаяй вспорхнули вороны.
Руки, как есть, ободраны, память души раскорчевана,
Хлынула темными водами, пьяным дурманом солода.
Черным крестом безымянного – имя, как водится, сколото,
Солнце горит над полянами, сыплет осеннее золото...*

Лето. Жажда...

*Лето. Жажда... И стаи во тьме
Пропоют свою песню оврагам,
Мхам болотным, гниющим корягам,
Синеоким лесам и луне
Знойный ветер погонит сквозь пыль
Эхо мрачных ночных колыбельных,
Стон незримых потоков подземных
И сухой сединистый ковыль
Тонут звезды в июньскую степь,
Месяц скрылся за дальние склоны,
И в церквях зарыдают иконы,
Оставляя соленую взвесь...*

Готический этюд

Холодный ноябрь тенистой аллеей проводит в хранилище души,

*Мой сад давно умер, уже багровеет безмолвная сонная глушь;
Лирический странник последней эпохи, последняя жертва чумы,
Выводит чернилами ровные строки и видит печальные сны.
На темном бульваре бездомной собакой ползет полусгнивший трамвай,
Ломают бесиумно колеса босые ноябрьский хрупкий янтарь.
Безумный поэт и слепой переводчик гадают над чашей воды,
Слагают поэму «Прелюдия ночи. Пророчества полной луны».
Угрюмые плиты, мои катакомбы, ужасные знаки любви,
Я знаю, хранители душ отрицают целебные травы весны,
Глубокие ямы – колодцы желаний и связки волшебных ключей...
Я слышу, доносятся томные вздохи и стон из незримых щелей;
Уснувшие тайны едва уловимы под плодом надгробной тоски,
Но знаешь, когда вновь раскроются раны, мы будем с тобою близки...*

Фантазия

*Во мне заброшенный рудник, опавшая листва,
Ушедший поезд и пустой перрон...
Стираются в безумном исступлении жернова
Бесплодных мельниц вакуумных зон
И я усердный, но несчастный рудокоп,
Себя за хвост кусающий шакал,
Печальный звездочет, смотрящий в телескоп
Разбитых линз и ненастроенных зеркал
Фантазия! Тебя я не могу пленить – я пленник твой,
Ты плависься в огне и принимаешь разные черты,
И кто-то жадно наслаждается твоей игрой,
И кто-то похищает твои сны!
А я разбит на части – глиняный горшок,
И в этом что-то есть от философии Хайяма,
Ты бесконечна, как электроток,
А я имею дно, как выгребная яма...*

Плевел (Моя поэтесса)

*Горестный пепел. Вода моложе, стало быть, солнцу напрасно верил,
Эхом бродил, чей-то сон тревожил, по пустырю и развеял плевел.
По луговым рассыпался строкою, умер ручьем на окраине леса,
Странно, при жизни опавшей листвою. Кладбище. Я и моя поэтесса.
Медленно дышим. И душно, и сыро здесь, в катакомбах забытых предметов,
Тень на полу, пара честных этюдов, до тошноты от своих же сонетов.
Вечер. Устал. Револьверные пули, сонные жалобы наших соседей,
Просто прости, нас с тобою не будет, мрачный конец одноактной пьесы.
Тихо растаем в расплескавшейся дали, нас похоронят в день непогожий,
Будет фонарь бултыхаться в канаве пасмурных лилий. Вода моложе...
Что им?! Сутулясь, случайным прохожим я по карманам раскладывал плевел
Знал ли, что станем опавшей листвою?!
Стало быть, просто напрасно верил...*

Лишь кресты на моем сонном пастбище...

Лишь кресты на моем сонном пастбище... След чужого пустого семени,

*Мы больны с тобой летней жасждою и приходим сюда не ко времени.
Нам ли в землю ложиться и каяться, нам ли гнить, если в глину втоптаны?
Колос к колосу плевелы сорные вдоль дорог, как столбы, с тобой вкопаны.
Хоронили нас в дни непогожие, без разбору – в канавы, в овраги ли!
На могилы плевали прохожие, покрывали тела геморрагии.
По лугам, пустырям позаброшены, в волчьи топи, в степные пастбища,
И над нами век травы не скошены – молчаливые наши кладбища.
Тишиною объятые призраки, мы бодем теперь суеверьями,
Подаем все же жизни признаки – из могил тянем руки деревьями...*

Бессонница

*Бессонница... Пространства вакуум родит вариационный ряд —
Вагон-плацкарта, лифт, тоннель, метро — клаустрофобия;
К чему все это — в дефиците сна такое изобилие мысленных затрат,
В душе моей: поросшие курганы, эпитафии, кресты, надгробия.
Окно, пустая ночь, пугливый свет, уродливые сети проводов,
Такое трезвое суждение: «Некуда уйти от неизбежности»,
Да, мало ли на этом свете, в самом деле, городов?
Где, как и здесь, все пребывает в летаргии безмятежности!
Упрямо жмущуюсь в ночь — ловец столь осторожных снов,
Мой комендантский час строптив, суров, и временами властен,
Но, я пропал! На этот раз фундамент архаических основ,
Размыт, осел в пыли, раздавлен, смят шальным ненастьем.
Бессонница... Все гуще мгла, все ближе подступает мрак,
Мой мозг отчаялся, не ищет сна или хотя б его подобия,
Мой Черный человек — мой самый безупречный враг!
В душе моей: поросшие курганы, эпитафии, кресты, надгробия...*

Мир внутри меня...

*Растревоженный улей, подземные реки,
Котлованы фантазий среди вечного льда,
Диалектика поймана в крепкие сети,
Так рождается мир внутри у меня.
Бесполезны ключи, когда двери открыты,
Колесо обозрения – вечный простор,
Ричард Вебстер* раскрыл ВСЕ возможные мифы!
Сквозь запретные грани шагнул его взор.
Все смешалось давно в призме тысячелетий,
И смотрящий на мир, сквозь бессмысленность стен,
Обретает способность на пыльном паркете
Различить всю картину земных перемен.
С глаз сокрытые тайны – священные книги,
И колосья ржи средь магнитных полей
На ладони сплетаются судеб изгибы,
Фатализм? Или бремя наших страстей?
Переменчивый ветер, Летучий голландец,
Философским доктринам нету числа,
В океане Вселенной Я – межзвездный скиталец!
Так устроен мир внутри у меня.
Душу вяжут оковы; пустой муравейник,
В хвойной чаще и с приближеньем огня!
Дрожь в руках в предвкушении новой затеи,
Время препровожденья свободного дня.
Изучив досконально весь аутотренинг,
Оставаясь с собой один на один,
Я уверовал в то, что Я – Дэррель Стэндинг!
Что сказал бы на это старик Крепелин?*

Берег Слоновой Кости

*Ставни, фрамуги, сырые доски, на антресолях сто метров лески,
Грезится Берег Слоновой Кости... Здесь многолюдный осенний Невский.
Неизлечима тоска декадента, пепел табачный на старых портъерах.
Я все скрываюсь без всякого дела в душной прихожей от толп оголтелых.
Пробы пера, громохание лифта, в зеркале вроде черты человека,
Кашель – курю, предвестники гриппа, кто-то звонит из минувшего века.
Снова одна, одеваюсь безвкусно, в старых потертых нелепых одеждах
Чем-то похожа на члена литклуба с книгой стихов, уже поистлевшей.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.